НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

Поэтика доноса

К портрету российского доносчика в целом и поэта Николая Стефановича в частности

Рисунок: Петр Саруханов / «Новая газета»

13:32, 26 июня 2026,

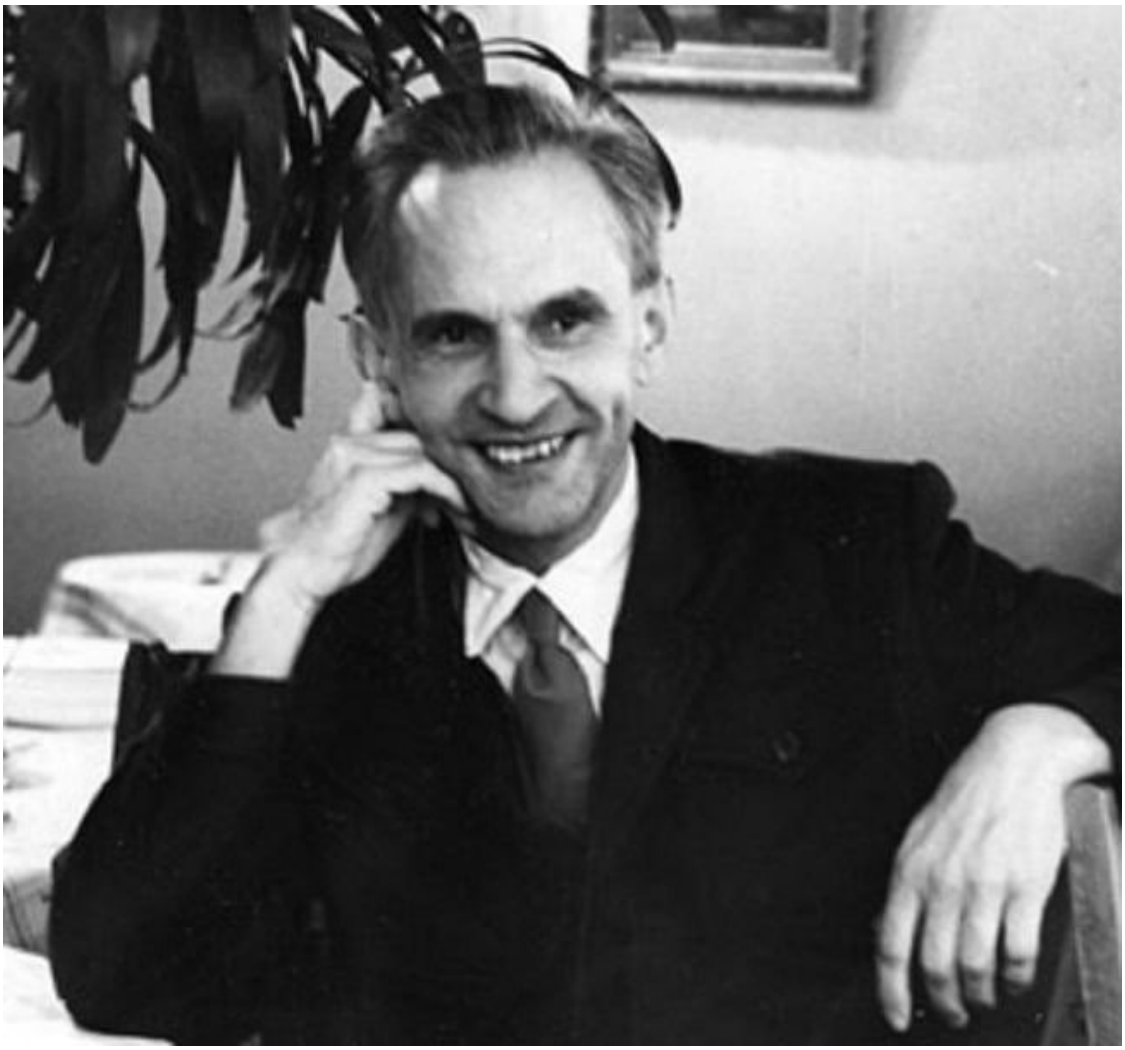
Дмитрий Быков*

обозреватель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ БЫКОВЫМ ДМИТРИЕМ ЛЬВОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА БЫКОВА ДМИТРИЯ ЛЬВОВИЧА.

Только что опубликовано первоклассное расследование Натальи Громовой — литературоведа с образованием архивиста и точной интуицией психолога: «Поэты кошмарных времен». Оно посвящено судьбе Николая Стефановича, который стал виновником ареста и гибели Даниила Жуковского (гениально одаренного юноши, сына Аделаиды Герцык). Стефанович донес и на Даниила Андреева, и на его жену Аллу, и на христианскую поэтессу Наталью Ануфриеву. Его долго пытались оправдать, утверждали, что показания на друзей из него якобы выбили на допросах — ничего подобного: изучение архивов показывает, что все его доносы были вполне добровольны. Вдобавок продиктованы они были не завистью — себя Стефанович считал поэтом никак не хуже Ануфриевой. Тут какой-то особый душевный извод, мрачная тайна, смердяковщина особого покроя.

Николай Стефанович. Фото: архив

Сдается мне, я могу добавить некоторые акценты к расшифровке мотивов и душевного облика Стефановича. Скажу сразу, что стихи его меня к себе не располагают, и я отчетливо вижу в них ту же душевную недостаточность, которая проявилась в полном отсутствии у него нравственной рефлексии. Сдавать без всякого принуждения таких людей и в таком количестве — особенно если вспомнить, что цену им он, безусловно, знал — человек с зачатками совести не мог; спокойно жить после этого, печататься, готовить книги — тем более. Стало быть, мы имеем дело с несомненным нравственным уродством, и корни этой патологии вскрыло именно наше время. Оно уникально по наглядности, по полному отсутствию тех оправданий, на которые могли сослаться сломанные, искалеченные люди сталинской эпохи.

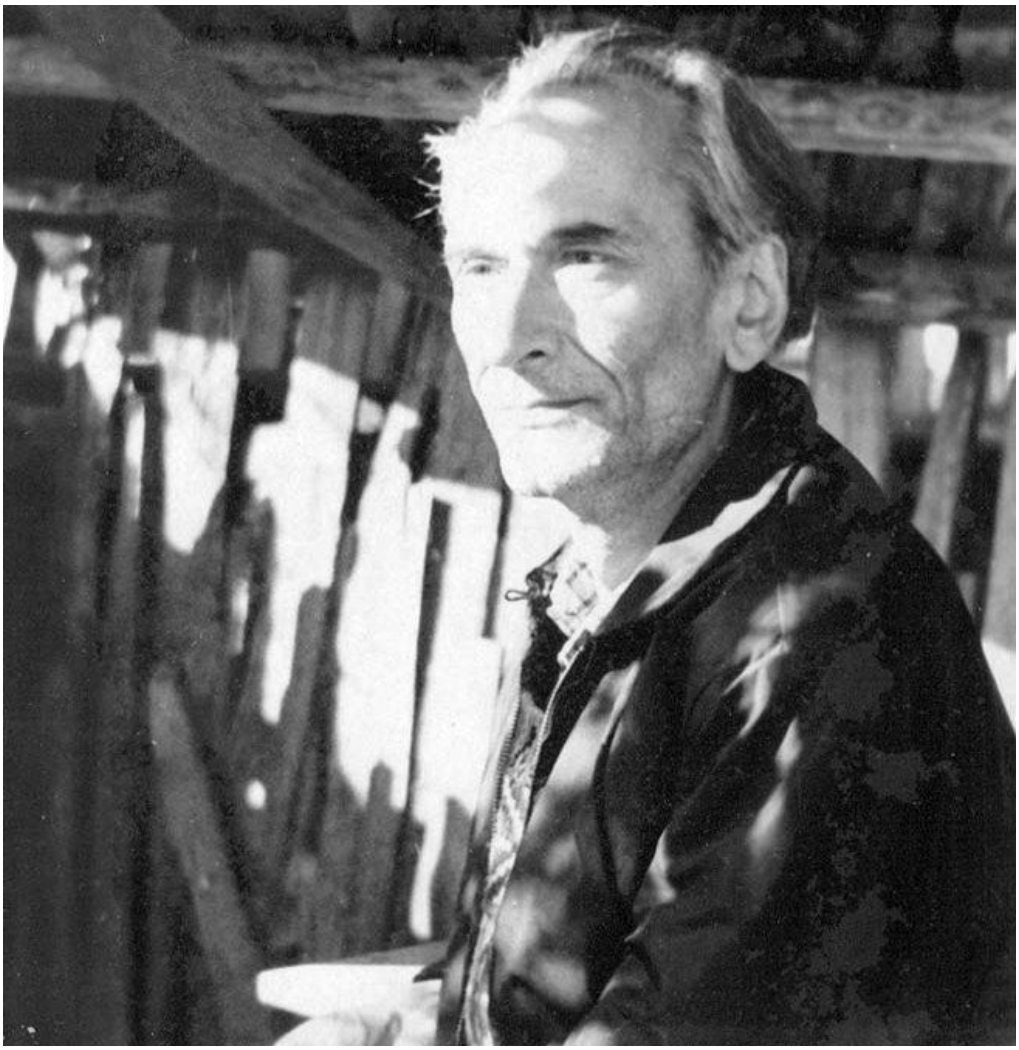
Нынешние низости совершаются по доброй воле и с

максимальным душевным комфортом, а равно и с полным сознанием безнравственности всех этих доносов и ликований. Сегодняшние доносчики лишены и той застенчивости, которая угадывается в Стефановиче. Напротив, в поведении так называемого «Союза 24 февраля», в заявлениях Охлобыстина, Богомолова, Германа-младшего сквозит почти демонстративное, гордое бесстыдство на грани эксгибиционизма. Человек мистического сознания предположил бы, что это как-то входит в условия адского договора — грешить надо не только «бесстыдно, беспробудно», но и наглядно, широковещательно. Однако весьма возможно, что все еще прозаичнее: этими громогласными признаниями и призывами, этой наглостью цинизма они пытаются заглушить глубокое и неискоренимое чувство собственной неправоты.

А истоки этого договора, который силы ада предлагают так называемым представителям творческих профессий, тоже достаточно очевидны: чувствуя роковую недостаточность своих литературных возможностей, неполноту реализации, недосягаемость истинных взлетов — эти персонажи пытаются добрать за счет падения.

Наталья Ануфриева. Фото: архив

Даниил Андреев. Фото: википедия

Экстаз падения — главный соблазн любого злодейства, совершаемого полуталантливым, недовоплотившимся автором. Он думает, что дьявол восполнит ему тот недостаток энергии, который он всегда ощущал; и в самом деле — внимательное чтение стихов Стефановича выдает именно их анемичность, которая и во внешности его так наглядно сказывалась. Внешнее их сходство с Даниилом Андреевым иллюзорно: облик Андреева даже на предсмертных фотографиях дышит внутренней силой, и в стихах его ощущение изгойства — чувство вполне благородное для демонических эпох — никогда не переходит в уязвленное, обиженное сознание ущербности. У Стефановича же об этой ущербности все кричит. Даже лучшие его стихи — не более чем разбег перед взлетом (и иногда — еще и тяжкий удар, шлепание об землю, бессильно влачащиеся крылья). Он потому и тянулся к Пастернаку, что чувствовал в нем светлую гармонию: так Черные Маски в пьесе Леонида Андреева тянутся

к огню. Даниил вполне унаследовал отцовскую интуицию — жаль только, что боялся поверить собственным предчувствиям.

В 2022 году актер Иван Охлобыстин решил вернуть в обиход слово «гойда». Весьма возможно, что этими громогласными призывами они пытаются заглушить глубокое чувство собственной неправоты. Скриншот

Проследим на нескольких примерах, как это у Стефановича происходит, благо корпус его текстов доступен в Сети.

И то же всё до мелочей,До каждой трещины на блюдце…Когда я слышу: «Мальчик! Эй!» —Я не могу не оглянуться.

Это слеплено из двух несовместимых, казалось бы, источников:

Еще обиду тянет с блюдцаНевыспавшееся дитя,А мне уж не на кого дуться,И я один на всех путях.**(Мандельштам, 1933)**

Тень от хаты косаяОтмечает полдня.Слышу, крикнули: — Саня! —Вздрогнул, нет, — не меня.**(Твардовский, 1937)**

*Ищу чего-то самого простого.Такой же ливень, судя по всему,Бывал еще до Рождества Христова, —Когда-нибудь все повторится снова,Но ничего я так и не пойму…***(1977)**

О, нашей жизни скудная основа,Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова,И сладок нам лишь узнаванья миг.**(Мандельштам, 1922)**

*Как дым, летящий из трубы,Над миром Путь простерся Млечный…В такую ночь до жизни вечной,Быть может, пять минут ходьбы.***(1937)**

Уже второй. Должно быть, ты легла.В ночи Млечпуть серебряной Окою.Я не спешу, и молниями телеграммМне незачем тебя будить и беспокоить.<…>Ты посмотри, какая в мире тишь.Ночь обложила небо звездной данью.В такие вот часы встаешь и говоришьВекам, истории и мирозданью.
(Маяковский, 1930)

*Познай же Бога, ясного насквозь,Пока портфелям, тезисам и книжкам,Пока вещам закрыть не удалосьЛицо Его, открывшееся слишком.***(1942)**

Когда пробьет последний час природы,Состав частей разрушится земных:Всё зримое опять покроют воды,И Божий лик изобразится в них!**(Тютчев, 1829)**

И опять соединение несовместимых, казалось бы, источников:

*** * ***

Весь мир избит и в рабство продан,И кто-то призван отделятьОт звука звук и род от рода,От мига миг, от пяди пядь.

И, ухмыляясь и глазея,Слюнявя грязные рубли,Густые толпы по музеямТягучим гноем потекли.

И узнают с усмешкой лисьей,Что глубь небесная мелка,Что вся вселенная зависитОт каждой прихоти белка.

А кто-то серый, кто-то хмурый,Как благодать на нас низвелЖелезных формул диктатуру,Трех измерений произвол.

Мы ничего не видим в целом,Того, что здесь, не видим там,И даже собственное телоМы ощущаем по частям.

*Бесстыдство купли и продажи,Реклам и вывесок вранье…—Когда же, Господи, когда жеПриидет Царствие Твое?***(1937)**

Отравлен хлеб, и воздух выпит.Как трудно раны врачевать!Иосиф, проданный в Египет,Не мог сильнее тосковать!**(Мандельштам, 1913)**

На рынок! Там кричит желудок,Там для стоокого слепцаЦенней грошовый твой рассудокБезумной прихоти певца.**(Фет, 1866)**

Вотще на площади пророчитГармонии голодный сын:Благих вестей его не хочетБлагополучный гражданин.**(Ходасевич, 1921)**

И пусть над нашим смертным ложемВзовьется с криком вороньё, —Те, кто достойней, Боже, Боже,Да узрят царствие твоё!**(Блок, 1914)**

Кто-то в тайные думы проник,Что-то к делу подшив и подклеив,И в петле достоверных уликЗадохнулся внезапно Рылеев.

*Позабуду ли ужас утрат,Рев звериный и брань человечью?А незримые губы твердят,Что один я во всем виноватИ за всё перед Богом отвечу.***(без даты)**

«…Спите крепко, палач с палачихой!Улыбайтесь друг другу любовней!Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,В целом мире тебя нет виновней!

Добродетель… Твою добродетельМы ослепли вязавши, а

вяжем…Погоди — вот накопится петель,Так словечко придумаем, скажем…»**(Анненский, 1906)**

О Россия, как Иов по Библии,Обнажилась ты вся до костей,И бездонная пропасть погибелиВ каждой луже сияет твоей.**(без даты)**

Не устрашуся гибели,Ни копий, не стрел дождей, —Так говорит по БиблииПророк Есенин Сергей.**(Есенин, 1918)**

Вы скажете: надергать таких совпадений можно из любого поэта, как заимствования до всякого постмодерна встречались у сотен композиторов: в конце концов, нот всего семь, и лирических тем ненамного больше. Вопрос лишь в том, что Стефанович к этому добавляет.

Главная его тема — именно недовоплощенность, отсутствие своего голоса, сознание своей неуместности в мире и такой же пустоты после смерти (навязчиво-частые описания посмертного разложения — и неуверенная, чисто декларативная вера в воскресение; впрочем, если случится второе пришествие, Христа тоже никто не узнает — этот мотив повторяется неоднократно). Его поэтическая речь — синтез интонаций всей русской неофициальной поэзии, от Тарковского и Липкина до Оболдуева и Барковой, которая, кстати, чувством своей неприкаянности в мире особенно на него похожа, и тоже, по разным обмолвкам, не без оснований (только тут речь не о сотрудничестве с органами, а о лагерном участии в травлях — например, Ивинской). Чего у Стефановича нет вовсе — так это чувства свежести, праздника и просветления; чего у него в избытке — так это жалости к себе, начиная с детства и кончая старостью.

Z-поэт Александр Пелевин на презентации своей книги. Фото: Вячеслав Прокофьев / ТАСС

Я думаю: а вдруг все-таки не виноват? Вдруг все это я подгоняю под готовый ответ? Мало ли, например, клеветали на Александра Локшина (и какой ад разверзается подчас в его музыке!) — а сын доказал его полную непричастность к доносительству. Но книга Громовой развеивает последние сомнения, и при всем желании посочувствовать Стефановичу, который, судя по всему, действительно всю жизнь был глубоко несчастен, — участь его жертв, и прежде всего гениального и чистейшего Даниила Жуковского, не в пример ужасней; не представляю, какими страданиями мог бы он выкупить свое участие в их трагедии. И участие это было не пассивное, а добровольное и горячее, даже страстное.

О мотивах его можно гадать: когда-то в лекции о поэтике и прагматике доноса (как ни прячься от этого факта, а сегодня это самый распространенный русский жанр) я предположил, что корыстный интерес тут чаще всего отсутствует, зависть или мстительность играет роль второстепенную, а не первом месте

вполне понятное желание отвести удар от себя, то есть успеть раньше. Разумеется, это не оправдывает Стефановича, но при его постоянном и остром ощущении собственной уязвленности, даже проклятости — он мог руководствоваться и этим: «Только не меня!» — как Уинстон у Оруэлла.

Однако именно наблюдение за сегодняшними зет-литераторами — в первую очередь наиболее сладострастными доносчиками вроде Игоря Караулова, хорошо мне известного лично и резко деградировавшего литературно, — подсказывает, что преобладает тут именно чувство собственной неполноценности и страстная жажда «добрать».

Может быть, свист в ушах при стремительном падении и есть искомая музыка сфер? Ведь во всех зет-литераторах, примазавшихся к государству ради утверждения своего первенства, ощущается именно эта неполнота, роковой недобор. Поэзия Марии Ватутиной — такое же среднеарифметическое из женской лирики семидесятых-девяностых, с прибавкой гражданского мотива в духе Людмилы Щипахиной, — как лирика Стефановича относительно тридцатых-сороковых. Поэзия Вадима Степанцова, начинавшего весьма прилично, — бесконечное перепевание собственных мотивов и следствие творческого кризиса середины девяностых. Даниэль Орлов, Сергей Носов, Павел Крусанов, Анна Долгарева, Анна Ревякина — все это в лучшем случае неосознанная, а в худшем непроизвольная и непреодолимая вторичность; и мотивы у всех этих страстных пропагандистов российской агрессии, любителей пыточных подвалов и окопных селфи — отнюдь не только корыстные. Тут самая что ни на есть серьезная амбиция — при неумении услышать голос Бога понравиться дьяволу и воспользоваться его протекцией.

Дмитрий Артис на книжном фестивале «Красная площадь-2023». Фото: википедия

Собственно, эта тема в русской поэзии давно отрефлексирована: «Когда я в бурном море плавал и мой корабль пошел ко дну, я так воззвал: «Отец мой, Дьявол, спаси, помилуй, — я тону». У Федора Сологуба, правда, было не в пример меньше оснований считать себя крепким вторым рядом и просить князя тьмы о помощи; однако читая, например, воспоминания Елены Данько о последних годах Федора Кузьмича, поневоле задумаешься о странных играх этого «колдуна и ведуна» с окружающими, равно как и о мере его отвращения к людям. В нескольких стихотворениях Стефановича встречается этот «дым без огня», почерпнутый, впрочем, из Вертинского; но, кажется, это тот самый случай, когда дым отнюдь не без огня, и притом адского.

Вероятно, не стоило бы тревожить прах Стефановича, который в качестве поэта известен весьма мало (и, кажется, Евтушенко по всегдашней доброте его переоценил); но штука в том, что без упоминания о его участии в нескольких судьбах нельзя вспомнить ни Жуковского, ни Ануфриеву, ни Даниила Андреева.

И есть своя правда в том, что поэта, так страстно (и искренне) озабоченного мыслью о своем бесследном исчезновении, помнят прежде всего как провокатора и доносчика. Это хороший урок многим нашим современникам, которые на наших глазах сегодня из кожи вон лезут, обеспечивая себе именно такое бессмертие. И оно им гарантировано — дьявол всегда выполняет обязательства по этой части, это он с творчеством всегда обманывает.

Впрочем, пока архивы не открыты — при всей въедливости громовской работы всегда сохраняется шанс, что вдруг да не Стефанович… или вдруг да не добровольно… На такой случай даже в самых прозрачных и дотошно исследованных историях всегда сохраняется толика сомнения. И я предпочел бы оказаться неправ, ибо такие бездны падения, как изложенные здесь истории о Стефановиче, его клеветах и домогательствах, все же сильно роняют планку наших представлений о человечестве. Всегда хочется сохранить надежду на человеческую природу, даже когда она, как сегодня, демонстрирует свою безграничность в обе стороны. Но, кажется, три однотипных истории — это чересчур. И в случае Стефановича остается утешаться тем, что сам он провел свою жизнь в полноценном и беспримесном аду — который, впрочем, запечатлел в довольно банальных текстах, как и полагается клиентам отца всякой лжи.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов»

Этот материал вышел в двадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в онлайн-магазине наших партнеров.